

14.03.2011

| [КУЛЬТУРА](#)

Будем знакомы

Новый музыкальный проект посвящен сближению России и Европы

Владимир Тарнопольский рассуждает о необходимости музыкального диалога между Россией и Европой.
Фото ИТАР-ТАСС

«Европа глазами россиян. Россия глазами европейцев» – так называется проект, который проводит Студия новой музыки при Московской консерватории. В течение года пройдет серия концертов, каждый из которых посвящен одной из европейских стран. Главное событие проекта – 18 мировых премьер. Подробности – в интервью художественного руководителя Студии новой музыки Владимира ТАРНОПОЛЬСКОГО корреспонденту «НГ» Марине ГАЙКОВИЧ.

– Владимир Григорьевич, в чем идея этого проекта?

– Мы – россияне и европейцы – очень мало знаем друг друга. Я прочитал в одной статье, что всего 4% россиян были в Европе – это очень мало. Хотя количество европейцев, которые приезжали к нам, думаю, на порядок меньше. У них представления о России очень полярные: либо художники, воспитанные на литературе, видят романтизированный образ – просторы, зима, духовные люди; либо – «Брат-2», разборки и так далее. Они нас не знают. Мы, пожалуй, знаем их лучше, но не понимаем абсолютно. И хуже всего с музыкой. Литература все-таки переводится, театры привозятся, кино смотрим, а в области музыки мы, я бы сказал, антизнакомы. Есть конкурс «Евровидение», где представители стран поют песни и выявляют свои особенности. Но это не просто дикий китч, это бесполезное и даже вредное мероприятие. К сожалению, если в Европе оно отражает лишь тенденцию, то у нас – магистральную линию: когда не модно быть интеллектуалом. Идет попсоризация, примитивизация.

Вот, собственно, из этих соображений и родилась идея проекта. Правда, замечу, она в принципе лежит в русле всего того, что мы делали. Безо всяких годов вроде Года Франции в России мы и так играли и французскую музыку, и итальянскую, немецкую и так далее. Мы знакомим с музыкой этих стран нашу публику, а, будучи в Европе, играем преимущественно русскую музыку либо ранний русский авангард.

– Это желание принимающей стороны или ваше?

– Обоюдное. Когда мы им что-то предлагаем, заранее предугадываем их желание. Мы хотим – как бы это ни пафосно звучало – сблизить Европу и Россию, и идея заключается в том, чтобы

провести серию диалогов стран. Мы выиграли проект, финансируемый Евросоюзом. Для участия в этом проекте мы пригласили наряду с Францией, Австрией и Италией страны Восточной Европы – это Латвия, Польша, Венгрия, Румыния, Болгария. То есть выбрали необычный для нас и современной музыки ракурс. Еще один участник нашего проекта – редко появляющаяся не только у нас, но и в континентальной Европе Англия. Но при этом оставили в стороне Германию – в музыкальном отношении это отдельный континент.

– В чем суть проекта?

– Мы выбрали по одному композитору, каждый представляет одну из этих стран. Композиторы очень известные, но не суперзвезды. Мы сознательно не обращались к представителям высшего уровня. Для нас напишут Гундега Шмите из Латвии, а из Румынии – Дан Дедиу. Тема их сочинений связана с Россией – нашей литературой, искусством. А российские композиторы, наоборот, напишут музыку, связанную со странами – участницами проекта. Например, первый концерт открыл австриец Роланд Фрайзитцер, он учился в Москве у Денисова, а в ответ музыку написал Фарадж Караев, который очень любит Австрию.

– Наши композиторы сами выбирали, о какой стране будут писать? Не поссорились?

– Нет! Все замечательно сошлось. Да я и сам знал, кто на что клюнет, так примерно и получилось. Конечно, первые, кому я предложил – а это Фарадж Караев, Юрий Воронцов, – имели преимущество. Оставшаяся часть программы будет дополнена произведениями классики авангарда. Допустим, на первом, условно, русско-австрийском концерте прозвучал фрагмент оперы русского композитора Николая Кондорфа «Марина и Райнер», по переписке Марины Цветаевой и Рильке, и пьеса Moz-Art Шнитке. Один из наших концертов – итальянский – станет частью фестиваля «Московский форум», посвященного перекрестному году.

– Этот проект рассчитан только на Москву?

– Нет. Потом новые сочинения будут исполняться на концертах в регионах. Мы всеми силами хотим противостоять пониманию, что современная музыка – это попса.

– Этот проект не повод поговорить на тему, существует ли в современной музыке проблема глобализации, когда композиторы имеют возможность поглощать все существующие тенденции – в технике, эстетике – и теряют национальную самоидентификацию?

– Это очень хороший вопрос. Я даже делал на эту тему доклад в Германии. Мне кажется, это в первую очередь касается поп-культуры, которая полностью уничтожила национальные культуры. Где сегодня великое итальянское кино? Да и немецкого не так много... К счастью, в музыке это не так. У меня даже обратная концепция сложилась. Конечно, мы не говорим о национальном, в Европе, особенно в Германии, это почти табу. То, что когда-то начиналось и развивалось как этнонациональное, сегодня превратилось в культурно-национальное. Вот есть, скажем, Франция – там живут сейчас корейские композиторы, русские и так далее. Но то, что они делают там, находится в русле французской парадигмы развития. Она была начата как национальная и пошла еще от Рамо – это интерес к краске, тембрам – и активно развивалась в XX веке. А сегодня есть и, скажем, норвежские композиторы, которые работают в той же манере.

Или еще один пример. В Германии живет знаменитый композитор Марк Андре, это культовая фигура. Он француз. Но во Франции его не исполняют, и, когда я спрашиваю у своих французских друзей, почему, они отвечают: «Так он же пишет немецкую музыку». И

наоборот, есть немецкие композиторы, которым интересна французская эстетика, и их в русле этой традиции рассматривают. Так что сегодня, на мой взгляд, часть понятия «индивидуальность» включает не национально-этническое, но национально-культурное.

Больше скажу: сегодня эта разница парадигм еще больше ощутима, чем сто лет назад. Голландцы, которые территориально находятся между Францией и Германией, пишут совсем другую музыку.

– А русская культура – всеответная?

– Проблема в том, что после полувекового вакуума – поскольку это было частью идеологии – наша всеответность имела не только положительные стороны, но и отрицательные. Каждая из великих культур прошлого нашла свой мощный путь, а в России эта парадигма была потеряна, и сегодня ее нет. Когда на пустынной почве молодые композиторы знакомятся с какой-то музыкой, не важно – голландской, французской, – то, не имея никакого иммунитета, они воспринимают это как абсолютную и единственную ценность. Поэтому, я помню, после фестиваля голландской музыки у нас появилось много композиторов а-ля Андриссен – это было в 1994-м. Когда мы показали сочинения Хельмута Лахенмана, появилось много лахенманов и у нас.

Кстати, современную немецкую музыку очень редко играют за пределами Германии – не больше, чем русскую музыку, – несмотря на то, что на родине в нее вкладываются огромные деньги. А вот многие наши композиторы, живущие там или даже здесь, испытывают очень сильное влияние немецкой музыки. С одной стороны, мы очень благодарны Германии – они задают планку, но, с другой стороны, когда это переходит границы – это уже культурный империализм. Когда мы говорим о глобализации современной музыки, то имеем в виду реальное и очень сильное влияние прежде всего немцев. Очень важно вводить различные инъекции – поэтому Студия новой музыки играет французскую, итальянскую, голландскую музыку, чтобы показать, что мир разнообразен.

– А сегодняшние студенты? Они что – чувствуют себя европейскими композиторами?

– Каждый по-разному. Кто начинает искать авангард, обязательно уходит в немецкие традиции – потому что влияние велико. Трудно молодым композиторам найти самоидентификацию, потому что корни были потеряны. Мозг может жить без крови несколько часов, у нас не было контактов с современной музыкой шесть десятилетий – это очень опасно. Мы – молодая культура в области современной музыки.

материалы: Независимая Газета © 1999-2011

Опубликовано в [Независимой Газете](#) от 14.03.2011
Оригинал: http://www.ng.ru/culture/2011-03-14/7_tarnopolskii.html